

Ли Сы принёс воды, обтёр лицо сыну, чтобы тому спалось посвежее, а затем, ополоснувшись той же водой, и сам забрался на кан.

Перед тем как завалиться домой, Гоудань стащил Ван Сюаня искупаться в речке. Обuvi у сорванца не водилось, так что на кан он вскарабкался с серыми от пыли пятками. Мальчишка вольготно развалился, блаженно вытянув босые ноги.

Проснулся Гоудань ни свет ни заря. А куда деваться — голод поднял. Дома шаром покати, в закромах пусто, даже Ли Сы спозаранку ушёл в поле натошак.

Покрутившись у порога, Гоудань огляделся: во дворе — хоть шаром покати, даже завалящей несущки нет. Вздохнув, он поплёлся слоняться по деревне на голодный желудок. Руки за голову, зыркает по сторонам — чистый беспризорник. Слушает, как утробно урчит в животе, да глазееет, как в соседних дворах лупят неслушников.

— Даню, матушка твоя чего опять разошлась?

Девчонка по имени Даню была постарше Гоуданя — лет десяти, худая, чернявая, в засаленном рванье. Спутанные патлы уныло свисали на лицо. Сама — кожа да кости, личико в её-то годы совсем жёлтое, истощённое.

За спиной у неё в холщовой люльке копошился младший братец с забавным чубом на макушке. Мелкий увлечённо сосал палец, пуская слюни прямо сестре за шиворот. Мальчишка, в отличие от заморыша-Даню, выглядел вполне упитанным.

Сжимая в ручонке серп, Даню утирала кулаком слёзы:

— Да не ела я то яйцо! Это всё Чжумао слопал... А мама заладила, мол, вру я всё и наговариваю на братика, да как давай меня охаживать...

— Ну и карга твоя мамаша, совести у неё нет, — рассудил Гоудань. — Да и братец хорош, паршивец, на сестру валит. Слышь, хошь я ему бока намну? С тебя всего-то лепёшка с зеленью.

Даню, всхлипывая, укладывала срезанную траву для свиней в корзину. Она лишь испуганно мотнула головой — на такое у неё духу не хватит.

Услышав это, стоявший поодаль Ван Сюань испуганно дёрнул Гоуданя за рукав, уводя подальше. Не хватало ещё, чтобы этот сорвиголова и впрямь отмутузил Чжумао! Мать того мальчишки славилась бешеной злобой: на язык остра, да и руку приложить не дура. Случись что — она же с Даню три шкуры спустит.

— Ты чего хватаешься? — возмутился Гоудань. — Не видишь, я делом занят, переговоры веду!

— Нельзя так, — покачал головой Ван Сюань, а потом тихонько вздохнул: — Эх... Меня тётка колотит и голодом морит, потому как я ей не родной. Но Даню-то мать сама родила, за что же её так?

— Так девка же, отрезанный ломоть, только добро переводить, — хмыкнул Гоудань. — Моя тётка тоже то и дело моих двоюродных сестёр костит. А вот Цзиньбао с Иньбао отродясь худого слова не слышали.

— А вот моя мама... она меня никогда не била. Скучаю я по ней, — шмыгнул носом Ван Сюань, и на его глазах снова заблестели слёзы.

— Ну так ты с пипкой родился, наследник! С чего бы ей тебя бить? — Гоудань на мгновение замолк. — Моя меня тоже пальцем не трогала. Да и отец...

Он и сам вдруг затосковал по матери. В памяти смутно брезжил образ: когда мама была жива, во время еды она всегда ухитрялась отложить ему кусок побольше.

Мать у него была немой. Гоудань рос смышлёным и рано всё запомнил: тихая, вечно исхудавшая женщина, которую нещадно изводили бабка с тётками.

Сказать ничего не могла, пожаловаться на обиду — тоже. Ей оставалось лишь прижимать маленького Гоуданя к себе и беззвучно плакать. Горько это — когда человек плачет, а ни звука издать не может.

Работала она за троих, ела меньше всех, а тумачков да бранных слов огребала сполна. Гоудань сызмальства привык к крикам в доме. Старая госпожа Ли честила всех невесток, но немой доставалось пуще прочих. Бывало, взбеленившись, бабка хватала из печи горящую головню и била её. Беззащитную бить легко — ни сдачи не даст, ни пожалуется никому.

Остальные бабы в семье тоже воротили от неё нос. Сами от свекрови плакали, но стоило той приняться за немую, как они тут же подливали масла в огонь, глумясь над убогой.

— Ладно, дуй домой, а я ещё пройдуся, — буркнул Гоудань, отсылая приятеля.

Ван Сюаню хотелось остаться. С Гоуданем всегда было сытно и весело: то диких ягод наберут, то птичьих яиц из гнёзд натаскают, то на речке улиток наловят. А не повезёт — так утянут с колхозного поля сладкий картофель да запекут в золе.

Пусть Ван Сюань каждый раз трясся от страха, боясь, что их поймают и забьют до полусмерти или, упаси небо, отправят на общественное судилище. Он помнил, как на таком собрании клеймили одного бедолагу — тот весь исходил кровью.

И всё равно тянуло к старшему товарищу. Но делать нечего — пора приниматься за работу,

иначе дома опять шкуру спустят.

Проводив приятеля взглядом, Гоудань лениво пнул камешек — даже на это сил едва хватило. В животе гудело от пустоты, аж под ложечкой сосало.

Ноги сами принесли его к кукурузному полю на окраине. Урожай в этом году не уродился: стебли стояли неровные, где-то висели жалкие недозрелые початки, где-то и вовсе торчали сухие тонкие метёлки.

Да только Гоуданю было плевать на качество зерна. Ему бы сейчас хоть какой заваливающий початок сорвать да сгрызть сырым.

— О, Гоудань, сын Ли Сы! Ты чего тут трёшься? — раздался окрик.

— Да так, гуляю, — буркнул малец, вызываясь вскинув подбородок.

— А ну брысь отсюда! Нечего мелюзге тут вынюхивать. Небось опять за кукурузой пришёл? Гляди у меня, сверху строгий указ спустили: за воровство теперь карают беспощадно. Поймают — ноги переломают, попомни моё слово!

Голод — плохой советчик. Когда дети дома пухнут и заживо превращаются в обтянутые кожей скелеты, у родителей не остаётся выбора. Многие шли на отчаянный шаг и воровали колхозный урожай, лишь бы спасти свои семьи.

Чтобы уберечь общественную собственность, власти закручивали гайки. Но чем яростнее свирепствовал голод, тем чаще люди преступали закон. Получался замкнутый круг: суровые меры порождали отчаяние, а борьба за выживание приводила к ещё более жестоким наказаниям.

— Да бог с вами, дядя Шуаньцзы! Я мимо шёл, просто мимо.

— Ишь, выискался ходок! Чего тебе тут по пути сдалось? Вали давай отсюда. И кто тебе позволил меня просто по имени звать? Никакого уважения к старшим!

— Так вы же мне дядя Шуаньцзы, разве нет?

Сторож только крикнул, не найдясь что ответить, и замахнулся:

— Поговори мне ещё, паршивец! А ну брысь!

— Ха-ха-ха! Шуаньцзы, ну надо же, тебя малец за пояс заткнул! — раздался весёлый хохот из

шалаша.

— А ведь хлопец совсем не в отца пошёл. Шустрый малый, далеко пойдёт!

То были деревенские сторожа. Дежурили они в основном ради того, чтобы дикие кабаны не спустились с гор и не потоптали всходы, но пуще зверья стерегли кукурузу от проголодавшихся односельчан.

Как только зерно начинало наливаться, бригада выставляла караул — по два-три человека в смену. Делалось это ещё и для взаимной слежки, дабы у самих охранников руки не чесались. Менялись каждые несколько дней; служба эта была не из лёгких.

Солнце поднялось выше, припекая вовсю. Гоудань бросил бесцельные скитания и поплёлся к семейному приусадебному участку. Надо было надрать редьки, чтобы отцу вечером осталось только погрузить её в корзины и унести домой.

— О, Гоудань, трудишься? — окликнул его кто-то из прохожих.

— Ага, редьку сегодня убираем, — степенно отозвался малец.

— Ишь ты, значит, зимой без закуски не останетесь!

— Это уж точно, насолю побольше.

— Даню, ты уже домой? — Гоудань заметил ковыляющую по тропинке девчушку.

— Полную корзину нарезала! — Даню улыбнулась, обнажив щербину. Передний зуб у неё только-только проклюнулся взамен выпавшего и рос как-то криво.

Гоудань невольно потрогал языком свои зубы. В последнее время они тоже начали шататься — видать, и ему скоро предстоит обновиться.

Он проводил её взглядом. Даню едва переставляла ноги: за спиной спал братишка, в руках — неподъёмная корзина с сочной свиной травой. Под этой двойной ношей хрупкая фигурка девчушки согнулась чуть не в дугу.

Малыш у неё за плечами, убаюканный мерной ходьбой, запрокинул голову и смешно мотал ею в такт каждому шагу сестры.

«И как только шею не сломает? — подумал Гоудань, глядя на спящего Янданьцзы. — Мягкая она у него, что ли?»

Никакой жалости к девчонке он не испытывал — в его ребячьем мире понятий вроде «сострадание» или «бедность» попросту не существовало. Да и с чего бы? Вся деревня так жила.

Главное — самому впросак не попасть, а до чужих забот дела нет. Даню ему никто, чтобы за неё переживать. Да и сам он, пусть и не по годам смыслённый, оставался всего лишь ребёнком.

— В Пекине светит солнце... Пекинское со-о-олнце... — замурлыкал он под нос дурацкий мотивчик. Эту песню как-то распевала образованная молодёжь, и Гоуданю она пришлась по душе.

Напевая, мальчишка приблизился к своему огороду и вдруг осёкся: на грядках явно кто-то копошился.

Он бесшумно опустил на землю плетёную корзину и стрелой метнулся вперёд, точь-в-точь молодой леопард на охоте.

— Держи вора! — взревел он, налетая на незваного гостя.

Послышался испуганный писк, перешедший в рёв, но Гоудань уже повалил воришку на землю и принялся нещадно охаживать кулаками. Отец всегда говорил: вора на своей земле ловишь — бей до полусмерти, закон на твоей стороне!

— Гоудань, это я! Хватит, не надо! — взмолился тонкий девчоночий голосок сквозь рыдания.

— Сяомань?! — Гоудань оторопело уставился на распластанную в пыли девчонку. — Ты какого дьявола забыла на наших грядках? А ну говори: воровать пришла? Шпионка недоделанная!

— Не воровала я... — хныкала Сяомань, утирая размазанную по лицу грязь. Падение вышло знатным — Гоудань сбил её с ног без лишних церемоний.

— Врёшь небось! А ну, покажи, что в корзине!

<http://bllate.org/book/19654/1950834>